

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ГРАНИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

А. И. Соловьев

Соловьев Александр Иванович, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия
Эл. почта: solovyev@spa.msu.ru. ORCID 0000-0001-7146-0299

Аннотация. В статье рассматриваются современные особенности взаимодействия институтов национального государства и гражданского общества в условиях сетевизации публичной политики. Содержание этих коммуникаций, вызванных новой ролью политико-административных коалиций правящей элиты, требует пересмотра традиционных подходов. В этой связи автор обращает внимание на новые формы общения населения и власти, обусловленные неформальными внутриэлитарными коммуникациями в правящем меньшинстве, которые прежде всего отражаются на изменении характера принятия государственных решений. Анализируя эти процессы на основе институциональных и сетевых методов, автор характеризует основные механизмы и каналы целеполагания, соответствующие способы и процедуры деловых коммуникаций взаимодействующих субъектов. На основе исследования автор выделяет структурные особенности взаимодействия государства и общества в процессе принятия государственных решений. В данной связи выделяются три относительно автономных уровня: многообразные сетевые альянсы, способные при определенных условиях оказывать влияние на «узлы решений»; иерархические формализованные административные структуры государства, подвергающиеся систематическому воздействию сетевых структур, а также площадки взаимодействия сетевых и административных структур, где складывается фактическая конфигурация процесса принятия решений. Это позволяет сделать вывод, что в сложившихся условиях преимущественное влияние на государственные структуры приобретают акторы, действующие при помощи сетевых механизмов организации правящего класса (клики, клинетеллы и др.), что подрывает возможности реализации общегражданских интересов. Изменению подобного положения препятствует как пассивная позиция большей части граждан по отношению к сложившимся управленческим практикам, так и действия правящего меньшинства, использующего имеющиеся преимущества для реализации преимущественно партикулярных интересов, в том числе и с помощью гибридных инструментов (подрыв политического влияния проводников гражданских интересов). Возможности его преодоления в будущем связаны с трансформацией публичной формы организации государственной власти и совершенствованием процедур ее применения.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, политико-административные сети, сетевизация, конфликт, принятие государственных решений

Государство и общество: антагонистическое партнерство

Вряд ли кто усомнится в том, что в современном мире большинство проблем в организации социальной жизни в конечном счете произрастает из отношений государства и общества, то есть тех исторических акторов, которых одни ученые рассматривают как извечных антагонистов, а другие как органических партнеров в социальной вселенной. Впрочем, разные исторические коллизии заставляют стрелку в отношениях этих образований больше склоняться к конфликтным коммуникациям.

Понятно, что характер этих взаимосвязей в значительной степени зависит от понимания природы государства, интерпретации его исторической перспективы, трактовки возможностей и ограничений в отношении переустройства общества. При этом особую сложность в поиске его наиболее релевантного образа создает нынешняя ситуация, оценивая которую, У. Бек высказал весьма обоснованное

суждение, что прежний научный инструментарий уже не обладает должной эвристичностью и требует качественного обновления. Так что привычные категории «национального государства» или «национальных интересов», по его мнению, уже не способны создать аутентичные образы происходящих ныне процессов.

Представляется, что ряд теоретических моделей и в этой эпистемологической ситуации позволяет не только увидеть подлинную природу рассматриваемых отношений, но и понять дальнейшие траектории их эволюции. В частности, если обратиться к широчайшему спектру теоретических интерпретаций государства, можно увидеть весьма дихотомическую дифференциацию подходов, где на одном полюсе расположились идеи, сближающие его с обществом, а на другом — оправдывающие правомерность его существенного дистанцирования.

Так, в отличие от сторонников формально-юридического статуса национального государства, чьи полномочия и действия «ограничены правовыми рамками» (Нисневич, 2012) и которые умножают дистанцию между аппаратом управления и социумом, существуют идеи, сближающие концепт «государства» с обществом. Причем не просто утверждают его как самую простую и устойчивую форму политического порядка, «исторически сложившуюся основу мироустройства», но и характеризуют его как среду «комфортного дома» и уникального «прибежища душ». Впрочем, существуют и другие аргументы. Так, М. Ильин считает, что концепт «государства» отражает не родовые черты соответствующих явлений, а их «семейное» сходство, объединяющее в этом «семействе» социальные, федеративные, консоциативные, корпоративные и иные формы государства, включая государства-движения, империи, системы «авторитарного господства», «квазигосударства», «дефектные, несостоявшиеся» и прочие образования, которые воплощают или имитируют различные черты государственности (Суверенитет: трансформация понятий и практик, 2008).

Другими словами, такое понятие государства в конечном счете редуцирует его к локальным формам самоорганизации сообществ, находящихся на различных стадиях своего развития. Таким образом, образование государства становится первичной организационной реакцией конкретных сообществ на любые вызовы среды, угрожающие распаду их целостности и деформации социального гомеостазиса. Не углубляясь в полемику с этой позицией, отметим лишь то, что в таком случае теряет смысл любая потестарная форма организации власти, например, чифдом и другие персоналистские формы протопубличного социального порядка.

Показательно, однако, что и те и другие позиции в качестве родовой характеристики государства признают публичный характер его социальной организации. По мнению П. Бурдые, публичность, отражая общий смысл противопоставления партикулярному универсуму, неразрывно связана с незаинтересованностью в частном и ориентацией на договорной, межличностный формат человеческих отношений; с универсализмом как формой коллективного капитала и открытостью коммуникаций; с наличием «взыскательной морали», отражающей соответствующие нравственные нормы и предполагающей наличие официальной цензуры (Бурдые, 2017). Однако, выделяя данные атрибуты, Бурдые оперировал понятием «поле», рассматривая публичность и как некую «игру», которая «не содержит в себе всей своей истины» (Там же), что по сути означало возможность складывания в этой части пространства многоликой и разнокачественной мозаики акций и интеракций. Другими словами, на публичном поле возможны самые разные сочетания универсального (утверждающего трансцендентные чувства, «имманентные тысячам

агентов») и частного (связанного с «персональными влечениями», «попустительством» и влиянием человеческой «природы») (Там же).

В этом смысле публичное поле является тем социальным пространством, где не только сосуществуют общие и частные смыслы активности человека, но и функционируют «наполовину связанные вещи» или, говоря другими словами, некие гибридные социальные конструкции. Если выразиться еще короче, то публичную сферу государства следует признать — в силу сосуществования там различных форм универсального и частного — особым способом (органического/неорганического) сочетания разных типов социальной активности человека. То есть той частью, социального пространства, которое свободно для действия разнокачественных и разнонаправленных антропоток и социопотоков.

На такой когнитивной платформе государство может интерпретироваться и как форма диктатуры, и как делиберативный механизм интеграции коллективных усилий общества и власти, а его функции по предоставлению товаров и услуг могут органично сочетаться даже с осуществлением воспитательной миссии. Таким образом, государство может одновременно рассматриваться и как равномасштабное всему обществу образование, и как форма общественного действия (превращающая его в механизм внутренней консолидации социума и ценностную платформу объединения граждан), и как независимая от общества структура, использующая свою силу для партикулярного распределения общественных благ. Поэтому даже те ученые, которые испытывают скептицизм по поводу постепенного исчерпания консолидирующей государство идеи общественного блага, могут работать на одной когнитивной платформе с теми, кто приветствует решающую роль рыночных инструментов госрегулирования (и по сути являющихся антиподом общественного блага, отрицающих коммунитарные ценности в угоду временному партнерству), признающих неизбежность сокращения общегражданских смыслов государственной деятельности.

Более предметно эту «мерцающую» природу публичности, а вместе с ней и государства, подчеркивает С. Барсукова, которая, анализируя влияние теневых экономических процессов на формальные структуры власти, вслед за Ч. Тилли и М. Олсоном приходит к заключению об инверсионной природе государства, способного — в зависимости от контекста — обретать или утрачивать свойства гражданского антрепренера (Барсукова, 2015). Другими словами, это означает, что государство способно одновременно выступать в роли центрального разума и монопольного центра власти, и института координации общественных действий, и гражданского антрепренера, и «стационарного бандита», и даже «пустого места», не способного к контролю и целенаправленному воздействию на общество.

Представляется, что изначальной причиной такой функциональной волатильности государства (демонстрирующей постоянную реконфигурацию его «способностей»), способной кардинально изменять его отношения с обществом, являются генетические конфликты в сфере власти. Власть как механизм принудительного регулирования, присущий всем типам и разновидностям общественных отношений, способна существовать только в полицентричной форме, распыленной по различным локальным площадкам социального взаимодействия. В этом смысле и публичная форма организации власти (стремящейся в суверенных границах государства унифицировать формы принуждения, распространив его на все население) точно также сохраняет эту структурную асимметрию, отражающую дисбаланс

официальных и иных (территориальных, общинных, соседских и проч.) центров доминирования, оказывающих автономное влияние на своих членов.

В логическом пределе этот структурный конфликт самоосуществления власти отражает противостояние социальной энтропии и произвола ее официальных центров. Однако в каждый конкретный момент он выражен в том или ином «институциональном равновесии» (Дж. Найт), которое является следствием конкуренции локальных центров власти, их «побочным продуктом борьбы» за доминирующее местоположение, за официальные диспозиции, позволяющие наладить собственное «распределение ресурсов в обществе» (Панов, 2006).

Таким образом, природа власти порождает структурный конфликт государства и общества, изменяющий лишь свои исторические формы и признающий временным победителем либо гражданскую, либо государственную стороны. При этом если какие-то государства не могут состояться в своем автономном качестве, то причиной такого положения в конечном счете является неспособность единого (официального) центра силы подчинить себе локальные центры власти. В таком случае структуры частичной самоорганизации создают ту конфигурацию социального порядка, которую в масштабах общества можно обозначить как слабо организованную анархию. И это неудивительно, поскольку влияние этих центров обладает разнонаправленным характером. Так, центры государственной власти прежде всего ориентированы на защиту границ, обеспечение собственной безопасности и социальной стабильности, в то время как центры гражданской власти заинтересованы в укреплении локальной самоорганизации, сохранении местных норм и традиций, определяющих возможности автономизации и даже самореализации личности.

Как бы то ни было, но поскольку конфликты между разноуровневыми центрами власти обладают генетической для социума природой (и могут исчезнуть лишь при отмирании государства или уничтожении общества), а официальные структуры не способны лишить локальные центры их влияния на жизнедеятельность граждан, соотношение сил государства и общества всегда сохраняет известную неопределенность. Учитывая даже то, что сегодня, по мнению М. Кастельса, государственная власть обретает новые возможности во влиянии на индивида в связи с возможностью целенаправленного использования массовых инфопотоков (Кастельс, 2016).

Одним словом, фронтير взаимоотношений государства и общества — это зона неопределенности, слабо регулируемая и законодательными, и информационно-символическими, и ментальными инструментами. При этом возникающие здесь конфликты обладают нетождественным потенциалом для обновления/разрушения массовых и иных коммуникаций между государством и обществом, а на различных аренах и площадках отношения этих акторов могут обладать различной чувствительностью к вызовам времени и действиям внешних факторов. В этом смысле, даже если государство совершенствует каналы и механизмы отношения с обществом (к примеру, трансформируя механизмы представительства гражданских интересов), эти действия могут никак не затрагивать какие-то особые «сумеречные зоны».

Одним словом, попытка государства организовать социальный хаос за счет доминирования единого публичного центра власти (которому принадлежит право легитимного распределения общественных благ) выливается во множественные структурные конфликты между институтами и группами населения, непременно вовлекая в свою орбиту другие авторитетные для граждан центры принуждения. Не случайно Э. Тоффлер писал, что развитие ряда отраслей меняет привязанность

институтов государства к территории, и потому «возникающая цивилизация» «ведет за пределы централизации», «опрокидывает бюрократию», «уменьшает роль национального государства» (Тоффлер, 2004), в силу чего «нация-государство трещит под давлением сверху и снизу» (Там же).

Одним словом, рамочная конструкция государства как сложносоставной конструкции социальных отношений сохраняет возможность для асинхронного движения и взаимодействия разных арен и площадок, изменяющих свою конфигурацию идвигающихся с разной скоростью. То есть где-то одна арена действительно «трещит», в то время как другая остается монолитной и непроницаемой для внешнего воздействия. И именно за счет такой неравномерности движения государство сохраняет требуемую эластичность и собственной организации власти, и отношений с обществом.

Ряд параметров организации публичной власти (иерархический принцип ее организации, призванный экранировать влияние внешних структур; приоритет исполнительных над представительными органами власти; наличие конфиденциальных пространств и вето-игроков; условность административной ответственности; слабость гражданского контроля и др.) показывает, что даже в демократических политических системах существенной закрытостью обладает особая площадка, а именно зона принятия государственных решений. И прежде всего там, где распределяются ключевые общественные ресурсы.

Эта внутренняя арена, контролируемая активным элитарным меньшинством, является той ядерной структурой публичной власти, которая относительно самостоятельно реагирует на вызовы времени, избирательным образом подходуя и к мнениям общественности, и вызовам времени. По сути, именно эта площадка, соединяющая принципы государственного администрирования с механизмами публичных коммуникаций, и является эпицентром взаимоотношений государства и общества. Собственно именно эта подсистема власти, попадающая в перекрестие притязаний современных граждан (пропитанных ценностями демократии и стремящихся превратить власть в ответственного партнера, реализующего публично оглашаемые цели, а не корпоративные скрытые замыслы элиты) с интересами (и компетенциями контролирующей публичные институты) правящей элиты, и порождает новые грани исторического конфликта между государством и обществом. И это неслучайно, ибо граждане хорошо понимают, что совершенствование избирательных систем или представительских механизмов крайне слабо коррелирует с обновлением реальных инструментов постановки и реализации целей, лежащих в основании распределения общественных благ.

В этом отношении научная мысль предлагает сегодня две основные, но разноразличные по своим социальным установкам, модели разрешения этих противоречий: либо полное устранение дискриминации граждан в системе государственного управления и превращение последнего в механизм общественной координации совместных действий элитарных и неэлитарных слоев; либо усиление технократического характера власти и превращение государства в исключительно сервисную структуру, ориентированную на законы менеджмента.

Представляется, однако, что ни та, ни другая стратегия не способны решить эту управленческую коллизию, поскольку публичная форма государственной власти скрывает специфический механизм целеполагания, создающий особую конструкцию трихотомии власти, государства и общества.

Принятие государственных решений: ключевой регулятор отношений государства и общества

Мировой опыт убедительно показал, что принятие государственных решений (если его не сводить к акту принятия решений) не может быть объяснено ни формально-юридическими соображениями, ни моделями политического и функционального представительства. В этом пространстве формирования целей складывается сложное сочетание вынужденных, утилитарных и экстра рациональных мотивов поведения акторов, которое не способна описать даже квантовая теория (Алексеева, 2017). По сути, это площадка, где подвижные формы кооперации государственных и гражданских (национальных и международных) акторов, вовлеченных в постановку целей, создают закрытую от общества и изначально «туманную» логику этого процесса.

Высокий уровень неопределенности этих взаимодействий обусловлен тремя структурными факторами. Прежде всего это связано с тем, что институты политической системы — тем более в зоне принятия решений — формируются по относительно автономной логике, не повторяющей механически динамику социально-экономических отношений. Это позволяет властям действовать в логике сознательного конструирования интересов целевых групп (Collier, 2007) и выделения привилегированных и непривилегированных слоев населения, то есть заранее определяя «хорошие группы» и те, которые государству «следует наказать»¹. К примеру, даже в демократических государствах «поджигатели флагов», наркозависимые, мультикультурные или какие-то другие невлиятельные (и даже негативно воспринимаемые общественным мнением) слои населения, которых А. Шнайдер и Х. Инграм относят к «девиантам»), не только имеют меньшее (нежели, к примеру, крупный бизнес) влияние на разрабатываемые государством цели, но зачастую являются теми субъектами, на которые возлагаются издержки реализации какой-либо государственной политики (Там же).

Иначе говоря, если формально определение целей государственной политики происходит на основе разделения «достойных» (выделяемых наиболее перспективным слоям населения) и «недостойных» общественных благ (потребление которых способно нанести вред обществу, например, алкоголь и др.) (Musgrace, 1959), то на практике, как правило, используются совсем иные критерии, демонстрирующие отношение властей к интересам людей с учетом позиций стоящих за ними сил и их совместных договоренностей. Заметим попутно, что принципы такого подхода непосредственно воплощаются и в концепции «социального конструирования таргетированного населения», в рамках которой социум таргетируется в зависимости от позиций сил и слоев, обладающих мобилизационным и экономическим потенциалом принуждения, а также наличием у них «позитивного или негативного имиджа» (Ingram, Schneider, 1993). Таким образом, официальные центры власти заранее создают преференции для групп, «ожидающих получения эффектов от принимаемых решений» (Ingram, Schneider, 2007). Тем самым власти целенаправленно ставят цели (одновременно формируя их информационные образы) с учетом собственного понимания места и роли различных слоев населения в жизни общества и государства.

¹ Так, Х. Инграм и А. Шнейдер выделяют четыре типа целевых групп, которые обычно возникают на этой стадии разработки решений, относя к ним привилегированные, непривилегированные (зависимые), претендующие и девиантные (Ingram H., Schneider A. Making Distinctions: The Social Construction of Target Populations // Handbook of Critical Policy Studies / ed. F.Fisher, D.Torgerson, A.Durnova, M.Orsini. USA. 2015. P.259).

Вторая причина состоит в ограниченности влияния на принимаемые в государстве решения не только механизмов представительства гражданских интересов, но и публичного дискурса. Что касается первого аспекта, то мировая практика со всей очевидностью демонстрирует все более глубокое подчинение представительных структур органам исполнительной власти, превращение парламентов в своеобразных «нотариусов правительства», констатируя тем самым все более последовательное сокращение их политической и управленческой самостоятельности (и что особенно ярко проявляется в авторитарных государствах). Более того, для большинства граждан выдвигаемые правительством цели (вкуче с их официальной интерпретацией) порождают «ментальные стены», не дающие им возможности проникнуть в «высокие замыслы» власти. Административные регламенты, нормы и правила управления нередко превращаются в «стеклянные препятствия» даже для наиболее активных членов гражданского сообщества. Так что, результаты «конкурентной политики», выраженные в требованиях партий, групп организованных интересов и даже парламентских фракций, становятся лишь одной из предпосылок реального рассмотрения властями той или иной проблемы.

Не меньший скепсис вызывает и делиберативная трактовка этой ситуации, прокламирующая кооперацию усилий власти и общества. Во-первых, основная часть населения, по справедливому суждению С. Жижека, желает не столько участвовать в общественных процессах или контролировать элиту, сколько иметь спокойную жизнь с ее развлечениями и ненапряженным досугом. В этом смысле зона принятия решений представляется для людей пространством критической жизнедеятельности, не обладающей притягательной силой. Во-вторых, общественная повестка, вырабатываемая активным меньшинством и выраженная в запросах общественного мнения или позициях его лидеров (гражданских ассоциаций, материалах отдельных массмедиа и др.), как правило, оценивается властями с точки зрения ослабления или провоцирования так называемых эндогенных или экзогенных шоков (Breunig, 2011), влияющих на уровень и характер легитимации власти и соотношение политических сил. В силу этого правительства зачастую намеренно преуменьшают значение тех или иных проблем с целью минимизации возможной политической напряженности (Dowding, Hindmoor, Iles, John, 2010).

Однако даже те проблемы, которые ставятся обществом, воспринимаются властями с учетом факторов, имеющих более существенное значение: мнения лидера; усиления или падения интереса к проблеме со стороны высокопоставленных чиновников; смены команды управленцев и внутренних коммуникаций лиц в окружении первого лица; интенсивности давления лобби-коалиций крупного, в том числе и международного, бизнеса (Baumgartner, Green-Pedersen, Jones, Mortensen, Neytenmans, Walgrave, 2008). Все это не просто отдаляет мнение общественности от реальных целей государственной политики, но и в значительной мере устраняет его из планов правительства.

Одним словом, даже публичное внимание к запросам и настроениям общественности отнюдь не предполагает их неперемennого воздействия на позиции лиц, принимающих решения (ЛПР). В этом смысле публичные дебаты могут оказаться абсолютно нерезультативными с точки зрения формулировки целей. Другими словами, массовые настроения и оценки могут расширять повестку дня (за счет предложения особых сюжетов, интерпретации текущих проблем, оценок контекста, обладающих повышенным эмоциональным восприятием), провоцируя

поддержку экспертов и выступлений массмедиа. Но даже такая интенсификация публичного дискурса не способна гарантировать их влияния на целевые показатели государственной политики. На этом фоне СМИ нередко выступают «добровольным конформистом» и «вынужденным союзником» (а в авторитарных режимах «порабощенной» властями структурой) властей, поддерживая с ними партнерские отношения и зачастую работая в русле их целевых установок.

Так что специализированные институты государственного управления постоянно экранируют давление массовых эмоций (даже поддержанных организованными гражданскими структурами и ассоциациями, а также крупными телемедиумами). При этом составной частью их информационных стратегий, как правило, становится расширение идейно-символического репертуара (в форме установления национальных праздников и практик официальной коммеморации, раздачи государственных наград, регулирования школьных программ, целенаправленных государственных инвестиций в культуру и других мероприятий), которое увеличивает давление на общество (однако прежде всего во имя безопасности правящего режима, а не развития социума) (Малинова, 2015).

Правда, в кризисные или в предвыборные периоды внимание властей к мнению общества резко повышается. Впрочем, после преодоления этой стадии реальная институциональная повестка, как правило, вытесняет все не устраивающие власти вопросы. Так что эмоциональная вовлеченность в публичные дебаты и дискурсы не гарантирует учета массовых настроений и позиций общественного мнения. А используемые властями методы информационно-символического воздействия доходят до того, что люди, по мысли М. Эдельмана, испытывают удовлетворение не от содержания поставленных целей, а от самого факта принятия решений, в том числе и в том случае, когда они ничего не меняют, т.е. от «достижения неосязаемых благ» (Малинова, 2014).

Одним словом, как подчеркивает Т. Брикланд, там, где общественный интерес ослаблен, правительства стремятся решать свои задачи за счет агрессивного навязывания культурных кодов и символов, которые поддерживают нужные стереотипы и образы власти, обеспечивая тем самым требуемое сопереживание и эмоциональную включенность людей в политический процесс, побуждая их к изменению своих политических позиций и конформизму (Brikland, 1998).

Третьей и, возможно, самой существенной причиной неопределенности принятия государственных решений является принципиальная недостаточность участия администраторов для постановки и реализации целей, что, в свою очередь, предполагает неизбежное вовлечение в этот процесс сторонних участников (обладающих необходимыми ресурсами для решения той или иной проблемы). Как известно, административные структуры упрощают проблемы, но усложняют процедуры, чтобы «вытравить» субъективизм чиновников и политиков. Однако это не всегда помогает государству принимать нужные решения. При этом практический опыт дает основание констатировать решающую роль в этом процессе сетевых ассоциаций правящей элиты, которые устанавливают «негласные договоренности» на «время осуществления государственной политики, ...порождают и узаконивают неясные правила обмена и устойчивость коалиционных интересов» (Duru, Thoenig, 1985), тем самым профилируя деятельность «институтов и общепринятые ценности» «для осуществления [своих] скрытых замыслов» (Хайоз, 2013).

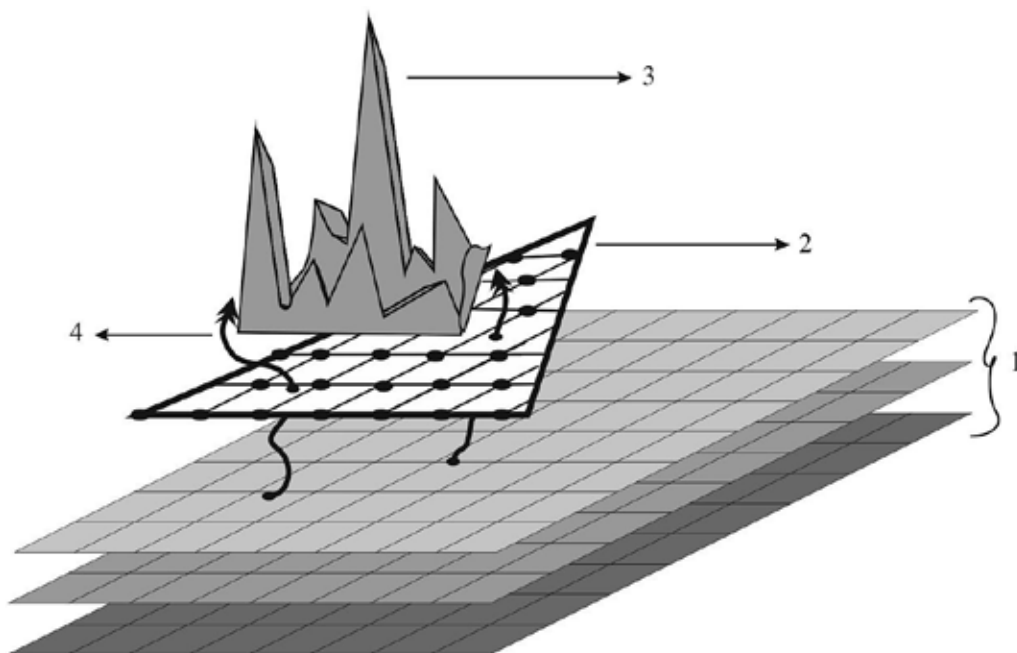
Именно эти элитарные ассоциации — пренебрегающие различиями между политическими, предпринимательскими, национальными и международными игроками и даже правящими кругами и оппозицией — способны оказывать решающее воздействие на «коллективные [общегражданские. — А.С.] цели» государства, в том числе и заменяя их «индивидуальными целями или определенным предпочтением» (Crozier, Thoenig, 1976). Понятно так же, что решающая роль этих игроков выражается и в «социальном конструировании» общественного блага, и выработке политических преференций для групп, «ожидающих получения эффектов от принимаемых решений» (Ingram, Schneider, 2007). Так что именно под их влиянием публичные институты нередко становятся «фикцией, не связанной с реальным принятием решений» (Silke, Kreisi, 2007), в результате чего сетевая конфигурация принятия решений «противостоит государственному управлению» и официальным структурам государственной власти (Там же)².

Как правило, такие сетевые акторы обладают тремя основными признаками: наличием заинтересованности в решении той или иной проблемы, обладанием профильных (для решения задачи и дефицитных для государства) ресурсов и возможностью встраивания в цепочки фактического целеполагания, прежде всего влияя на «узлы решений». Понятно, что набором указанных признаков в основном обладают представители правящего класса, так или иначе аффилированные с господствующими элитами и институтами публичной власти.

Эти свойства помогают членам сетевых коалиций проникать в административно защищенные узлы решений, а в ряде случаев даже ставить под свой контроль вовлеченные в разработку государственной политики публичные институты³ (что, с другой стороны, свидетельствует, что административные барьеры служат препятствием лишь для гражданских активистов). Учитывая, что стереотипы сетевого общения и партнерские договоренности обладают более существенной, нежели его ролевые обязанности, укорененностью в ментальных структурах современного человека, то им удастся сравнительно легко преодолевать ограничения официальных норм и административных стандартов. Еще Аристотель писал, что человек и общество — это органические части единой экосистемы, что аттестует сетевые формы социального взаимодействия в качестве тех «малых миров», которые действуют в надфункционально-ролевом пространстве. А наличие утилитарного интереса на таком фоне только усиливает социальную энергетику этих «первородных» социальных связей, превращающих арену принятия решений в сектор микрополитических, принципиально непубличных коммуникаций.

² Поскольку эти сети направляют свои усилия лишь на цели, которые дают сиюминутную отдачу, что оставляет определенное управленческое пространство для институтов и структур саморегулирования, то это пространство, строго говоря, предполагает регулирование, а не управление объектами (исключая тем самым претензии элит на их преобразование в соответствии со своими замыслами). Так что данное пространство обладает способностью к сужению / расширению своего объема.

³ Показателями сетевого контроля над публичными институтами могут выступать, к примеру, факты увеличения управленческих прецедентов в деятельности ведомств (основанных на своеобразном толковании законов, игнорировании правил и морально-этических норм при решении конкретной проблемы); усиление кадрового протекционизма, неформальной кооптации, ротации и инфильтрации различных представителей правящего класса (не имеющих от общества официального мандата на осуществление таких функций) в состав контролирующих решения органов; снижение фактической роли институтов гражданского контроля; усиление информационной закрытости процесса принятия решений и др.

Зависимость принятия государственных решений от административных и сетевых участников целеполагания: Условные обозначения:

1 — совокупность разнообразных социальных сетей; 2 — иерархическая система государственного управления; 3 — подвижная конфигурация принятия государственных решений (разновысокие вершины олицетворяют зоны действия особых «узлов решений», осуществляющих специфические цели и формирующих соответствующий набор участников целеполагания); 4 — неформальные методы воздействия сетей на разработку государственных целей

Dependence of making state decisions upon administrative and networking goal-setting participants. Notation keys:

1 — complex of various social networks; 2 — hierarchy of state governance system; 3 — flexible configuration of state decision-making (peaks of a different height embody active zones of deciders that carry out specific aims and assemble the respective intake of goal-setting participants); 4 — informal methods of networks' influence upon the development of state aims

Если несколько огрубленно визуализировать взаимоотношения власти, государства и общества в рамках принятия решений, то можно констатировать наличие в этом процесс трех относительно автономных уровней самоорганизации и коммуникации разноликих участников целеполагания (рис. 1).

Первый пласт отношений отражает наличие многоликих социальных сетей, тех изначальных «микромиров», которые сплавляют население в различные ассоциации, внутренние связи которых обладают прочной ценностно-ориентационной устойчивостью. Будучи востребованными для решения той или иной проблемы, эти сетевые альянсы (при необходимости дополняя свой состав отдельными фигурами из административного аппарата) способны преодолевать нормативно-правовые ограничения системы государственного управления, оказывая неформальное

давление на «узлы решений». Эти, условно говоря, «червячные» переходы, своеобразные мостики между сетевым ландшафтом и «узлами решений», с одной стороны, демонстрируют избирательную потребность в привлечении ресурсов той или иной сетевой коалиции для решения проблемы, а с другой — приоритет неформальных отношений при постановке целей (которые не контролируются ни официальными, ни гражданскими структурами).

Второй уровень отражает административную конструкцию государственного управления, ту иерархическую структуру, которая носит официальный характер и выстроена в виде различных вертикалей с организационно соподчиненными звеньями. Этот тип официальных, формализованных отношений призван экранировать несанкционированные нормами и административными стандартами формы влияния любых социальных акторов. Однако он сохраняет требуемую устойчивость только перед массовыми формами гражданской активности. В то же время, учитывая слабости официальных институтов, сетевые коалиции используют их в качестве предварительной площадки обсуждения целей, а в ряде случаев прикрываются их статусным положением при продвижении собственных интересов. В этом смысле формальные возможности административных структур зачастую оказываются неэффективным заслоном для сопротивления сетевым ассоциациям правящего класса.

Третий уровень демонстрирует относительную автономность процесса целеполагания, который частично опирается как на сетевые, так и на административные структуры. Таким образом, при решении конкретных проблем в государстве всегда выстраиваются особые цепочки деловых коммуникаций (где размываются отличия административных и неформальных акторов и связанные с ними ограничения), образуя конфигурацию разновысоких многоугольников со своими вершинами и набором разноудаленных от центра принятия решений аффилированных акторов. При этом преодоление административных препятствий, прорастание во власть сетевых коалиций осуществляется по уникальным (для каждого решения) схемам микрополитической «партнерско-заинтересованной» поддержки или, условно говоря, по «червячным» (неформальным) переходам в центры принятия решений. В результате этого вершины таких многоугольников могут не совпадать с официальными центрами государственной власти.

Таким образом, именно набор межузловых коммуникаций (с их полупериферийными и периферийными связями) порождает фактическую конфигурацию процесса принятия государственных решений, образуя тот кластер целеполагания, который не имеет однозначно законченной формы даже в рамках конституционно-правового порядка.

Следует подчеркнуть, что само наличие структурных разломов между центрами принятия решений, публичными институтами и социально сплоченными коалициями не означает однозначно корпоративных и партикулярных сценариев распределения общественных благ. Совершенно не исключено, что сетевые ассоциации могут преодолевать административные барьеры в интересах общества, более оперативного решения насущных проблем населения. В этом смысле фактическое позиционирование сетей просто создает дополнительные возможности для решения государством насущных проблем. Единственное, что не дает уверовать в такую позитивную перспективу сетевого вмешательства в разработку государственной политики, так это сложившаяся практика. Практика, которая постоянно демонстрирует активность различных кланов, клиентел, парантел и других разновидностей

сетевой организации правящего класса, торпедирующих общегражданские принципы правления нормами патрон-клиентской этики и использующих возможности государства в собственных интересах.

Сказанное также показывает и то, что при таком положении обществу заказан доступ к центрам принятия решений, которые успешно функционируют даже в условиях низкой легитимации. Понятно, что различные представительские или дискурсивные механизмы не способны изменить сложившийся порядок, который позволяет правящему меньшинству использовать его в своих интересах. Представляется, что только иное внутреннее наполнение активности управляющих или, другими словами, вытеснение патронажных отношений из процесса принятия решений позволит изменить «фасадный» облик и даст шанс обществу на использование государственной власти в свою пользу.

Что изменит будущее?

Как вытекает из сказанного, устойчивая система неформальных практик восхождения во власть и отправления власти элитарными сетями создает ту пресловутую «машину власти» (Дж. Скотт), конфигурация которой коренным образом отличается от нормативной конструкции публичной власти. Именно эта «машина» превращает государство в недоступную для граждан структуру, а следовательно, в малоизвестный центр ответственности за распределение общественных благ и ресурсов. Пронизанная патрон-клиентскими отношениями эта система правления, в значительной части выравнивающая особенности демократических и авторитарных режимов, символизирует структурную дистанцированность населения от власти, обособленности от общества того правящего меньшинства, которое формируется вне механизмов представительства и действует вне зависимости от институционального контроля. Единственной надеждой общества является ориентация этой сетевой структуры на нормы общественной морали, способной развернуть рычаги власти на интересы общества. И это не морализаторство, а трезвое понимание тех небольших возможностей общества получать от государства необходимые блага не по вторичному и остаточному принципу.

Представляется, что надежды многих теоретиков, будто государственная власть, принимая решения, постепенно перестроит систему управления, сохраняя свои вертикальные структуры, на принципах координации общественной активности и совмещения с гражданскими инициативами, являются довольно романтическими. Ведь как уже говорилось, публичная делиберация и общественная повестка сами по себе не гарантируют ни учета общественного мнения, ни общегражданского характера распределения ресурсов. Строго говоря, «машина власти» — это и есть та фактическая модель «управления без правительства», о которой грезят сторонники либеральной версии сетевой теории, но на деле являющейся перевернутой формой неформального диктата правящего класса.

Сторонники моделей governance, good governance и других теорий, рассчитывающих на полную дискриминацию рядовых граждан в сфере принятия решений, верно отражая сетевую взаимозависимость государства и общества, почему-то полагают, что гражданские ассоциации способны при такой структурной организации принятия решений либо переиграть представителей правящего класса, либо побудить их к иной по направленности управленческой деятельности. Возможно, в небольших по масштабам демократических странах — и при наличии значитель-

ных традиций совместного управления и гражданского контроля — складывается больше предпосылок для такой эволюции «машины власти». Однако уже в чуть больших пространственных масштабах «пустотелость» государственной организации (неспособность публичных институтов постоянно сохранять приоритет официальных норм и контролировать все формы гражданской активности), разрозненный характер решений, «полувраждебная» конкуренция государственных институтов (А. Пшеворский) и многие другие эффекты, отражающие слабость иерархической организации власти, однозначно создают преимущества различным ресурсно оснащенным группировкам элиты, способным за счет неформальных коммуникаций укрепить свои доминирующие (и даже завоевать монопольные) позиции при принятии государственных решений.

По сути, смысл действующей во всех политических системах «машины власти» состоит в том, что публичные институты последовательно и неуклонно замещают общегражданские интересы корпоративными, и это свидетельствует о разрешении конфликта между институализацией и партикуляризацией государственной власти в пользу частно-групповых приоритетов правящего класса.

Конечно, надо иметь в виду, что неопределенность микрополитических отношений в зоне принятия решений одновременно отражает дефицит сетевого сплочения, непрочности этих ассоциаций, отсутствие должной сплоченности, неустойчивость лояльности даже к вершине сети. Иначе говоря, противоборство различных элитарных сетей провоцирует возникновение внутренних очагов напряженности, блокировку взаимных усилий, образование вето-фигур (саботирующих распоряжения сетевых «феодалов») и даже определенных акций, направленных против микрополитических центров влияния и силы. И даже в центральной сетевой коалиции (связанной с общенациональным политическим лидером) всегда существуют конкурентные и соревновательные отношения, чреватые применением санкций и принудительной консолидацией (использование компрометирующих сведений, шантажа) управленческой команды. Типичными методами сетевой стабилизации является создание микроблоков, постоянное маневрирование (направленное на исключение внутренних заговоров и дворцовых переворотов), простирающееся от жесткого контроля до экспериментальных контактов с иными центрами влияния и власти.

Такая конструкция внутрисетевых коммуникаций способствует постоянному обострению отношений между государством и обществом. Во-первых, по той причине, что низко позиционированные сети стремятся использовать мобилизационный потенциал населения в целях повышения своей роли в системе распределения ресурсов. Во-вторых, в силу того, что повышающие свою ресурсную базу и пропитанные демократическими ценностями граждане пытаются каким-то образом прорвать эшелонированную оборону правящего класса. И по частным вопросам им это удается. Однако пока опыт дает основание констатировать, что власть сполна восстанавливает понесенные потери и потому никакие реформы избирательной системы, смена партий у руля правительственной власти, расширение дискурсивных и делиберативных практик не меняют данную систему фактического отправления государственной власти.

Иначе говоря, для продвинутой, активной части общества уже не секрет, что государство в виде особой организации принятия решений постоянно сползает к корпоративным практикам распределения ресурсов, снимая возникающие конфликты за счет активной информационно-символической политики, направ-

ленной на умиротворение общественного мнения и прикрытие подлинных целей. Усложнение претензий общества активизирует и систему обороны со стороны властей, появление новых гибридных инструментов, сочетающих пропаганду с атаками на лидеров общественного мнения, оппозицию и прежде всего на тех, кто осуществляет информационные прорывы в этой обороне, позволяя людям за обещаниями прогресса увидеть подлинные интересы власть имущих (к примеру, расследователи «Викиликс»).

Нынешняя эволюция отношений государства и общества показывает, что фактически вместо элиты (призванной выполнять представительские функции и поддерживать деятельность публичных институтов) к власти пришла иная категория правящего меньшинства, формирующаяся вне каких-либо официальных механизмов и на постоянной основе использующая сетевые механизмы применения власти. В этом смысле можно согласиться с мнением, что сегодня «государство, в котором принятие решений есть результат сложного процесса переговоров и согласований на всех уровнях... начинает функционировать как сеть» (Курочкин, 2011). Однако куда важнее понимать то, в каком направлении эта сетевая структура направляет общественные ресурсы, кто является устойчивым бенефициарием такого типа правления. Причем на этом фоне весьма показательно то, что сетевое меньшинство в ряде стран уже сейчас формируется не без влияния транснациональных связей, проникаясь претензиями на глобальные ресурсы.

Как бы то ни было, но сегодня можно видеть, что сочетание административных ограничений, влияния неформальных сетей правящего класса, а также полупассивного отношения населения к провозглашаемым правящими структурами целей не просто создает неравновесную, отличающуюся от своих нормативных требований конструкцию принятия решений. Самое опасное, что вектор этих деловых коммуникаций постоянно соскальзывает в область неформальных, скрытых от общества отношений. Это не только не дает возможности сконструировать некие эффективные инструменты метауправления (этими неформальными коалициями), но и не позволяет наладить эффективные механизмы гражданского контроля за применением власти.

В результате желание общества получать от государства (даже в условиях демократии) полноценного участия граждан в управлении и более справедливого распределения ресурсов остается весьма романтическим заблуждением. Реальное участие даже активных граждан в этом процессе замыкается на решении частных, незначительных, имеющих локальное значение вопросов. В то же время любое увеличение базы распределяемых ресурсов сокращает и без того небольшие возможности общества в части влияния на постановку государственных задач. В этом смысле государство чем дальше, тем больше превращает механизм принятия решений в закрытое для граждан пространство.

Время покажет, как будут развиваться эти грани конфликта государства и общества в стабильных и переходных государствах. Однако очевидно, что его окончательного разрешения можно ожидать только при изменении публичного характера применения государственной власти и, видимо, при распространении сетевого принципа организации на основные сегменты социального пространства в целом. Только эта форма самоорганизации локальных сообществ будет опираться на честные технологии продвижения групповых и частных интересов, на интеллектуальные ресурсы населения.

Что касается России, то можно констатировать, что постсоветское подражание демократическим институтам Запада сегодня закончилось стагнацией политического процесса и по сути уничтожением конкурентной политики. Однако внешняя стабильность «зависшего транзита», отражая конфликт интересов «ранних» (получивших ресурсы на первоначальном этапе постсоветской «раздаточной экономики» (О. Бессонова) и «поздних победителей» (в настоящее время обладающих ключевыми возможностями в доступе к ренте)), все же не дает возможности описывать эту ситуацию при помощи понятий авторитаризма или неопатримониализма, или же используя традиционные представления о соотношении формальных и неформальных (пара-, метаконституционных) практик, роли административных иерархий, понятий политической и административной ответственности, идеологической поляризации и т.д. В этом плане ни парламентская или президентская модели уже не отражают сути политических коммуникаций государства и общества в современной России.

Представляется, что нынешняя ситуация демонстрирует иной политический порядок, который, хотя и близок по форме к неопатримониальной полиархии, но скрывает уже совершившиеся и более существенные структурные изменения как в организации общественной власти, так и частично в самом государстве. И это связано с тем, что навязанные элитой сетевые процедуры принятия решений уже поменяли структуру организации всей государственной власти.

По сути, современная Россия демонстрирует структурную трансформацию коммуникаций государства и общества, отражающих качественный кризис публичных институтов, утрачивающих свою легитимацию как в глазах общества, так и самого правящего меньшинства. Иначе говоря, публичные институты, по мысли Д. Норта, призванные как бы «заталкивать» общество в определенную колею, из которой людям потом оказывается трудно выбраться (Норт, 1997), на деле оказываются неспособными даже очерчивать рамки ролевой активности, тем более в процессе принятия государственных решений. И это не случайно, ибо политико-административные элитарные сети не только окончательно встроились в институциональный дизайн, но и перекроили его формальные конструкции, создав неорганический синтез институтов и сетевого ландшафта. На этом фоне внутриэлитарная конкуренция породила невиданное разрастание разнонаправленных альтернатив и траекторий развития многоликих — центральных, региональных, территориальных и пр. — центров власти. В результате государство оказывается вынужденным приспособлять официальные центры публичной власти к стратегиям доминирующих сетей или, говоря точнее, к локальным центрам фактического господства. И хотя такая тенденция еще не полностью оформлена конституционно-правовым образом, но реальная конфигурация власти (а следовательно, и выявленный набор основных бенефициариев) действует уже безостановочно.

Так что если раньше кланы, клики, клиентелы и прочие аналогичные структуры все же оценивались в качестве некоего сопутствующего дополнения к организации демократической власти, то теперь следует говорить об их превращении в осевую структуру, вокруг которой формируется и власть, и государство.

Понятно, что при таком положении перспективы сохранения российским государством статуса гражданского антрепренера могут быть связаны лишь с появлением новых элитарных сетей, которые будут либо не связаны со старыми-новыми победителями (и которые будут вынуждены для своего статусного возвышения использовать низовую активность граждан) (Мельвиль, 2013), либо возникнут в ре-

зультате переконфигурации доминирующих сетевых ассоциаций (но уже с учетом новых межрегиональных и транснациональных коммуникаций).

Одним словом, новая стадия взаимоотношений государства и общества обещает возникновение явно нестандартных и скорее всего не слишком радужных для сограждан коммуникаций. Коммуникаций, которые вряд ли изменят адреса привилегированных групп и налаженные каналы их ресурсного обеспечения. Характерно при этом, что власти (время от времени активизирующие проблематику силового столкновения с Западом для лучшего понимания населением «подлинных» ценностей в современном мире, не соизмеримых с наличием или отсутствием у людей материальных ресурсов) теперь стараются затормозить и процесс политической рефлексии в обществе. В частности, они не только активизируют интенсивность телепропаганды, но и последовательно реформируют систему высшего образования, вытесняя современные обществоведческие курсы на глубокую периферию, чтобы лишней раз философия или политология не провоцировали появление у людей ненужных мыслей о социальной справедливости, демократии или правах человека.

Библиографический список

- Алексеева, Т. А. (2017). Политические науки на фоне меняющихся картин мира. В А.И. Соловьев (ред.). *Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований* (с. 48–64). Москва: РОССПЭН.
- Барсукова, С. Ю. (2015). *Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого*. Москва: Издательский дом ВШЭ.
- Бурдые, П. (2017). *О государстве*. Москва: Издательский дом Дело.
- Ильин, М., Кудряшова, И. (ред.). (2008). *Суверенитет: трансформация понятий и практик*. Москва: МГИМО-Университет.
- Кастельс, М. (2016). *Власть коммуникации*. Москва: Издательский дом ВШЭ.
- Курочкин, А. В. (2011). Политика в условиях сетевого общества: новая структура и содержание. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 3, 113–119.
- Малинова О.В. (2015). *Конструирование смыслов. Исследование символической политики в современной России*. Москва: ИНИОН.
- Малинова, О. Ю. (2012). Символическая политика. Контур проблемы поля. В О.Ю. Малинова (ред.) *Символическая политика. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Вып. 1* (с. 5–16). Москва: Издательство ИНИОН.
- Мельвиль, А. Ю. (2013). Зачем «царю горы» хорошие институты? *Политическая наука*, 3, 166–167.
- Нисневич, Ю. А. (2012). *Государство XXIII века: тенденции и проблемы развития*. Москва: КноРус.
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала».
- Панов, П. В. (2006). Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей. В С.В. Патрушев (ред.) *Институциональная политология* (с. 43–92). Москва: ИСП РАН.
- Тоффлер, Э. (2004). *Третья волна*. Москва: Издательство АСТ.
- Хайоз, Н. (2013). Управление, коррупция и локальные структуры политического влияния в Швейцарии. В О.В. Гаман-Голутвина (ред.) *Элиты и общество в сравнительном измерении* (с. 200–208). Москва: РОССПЭН. С. 200–208.
- Baumgartner, F. R., Boef, S. L., Boydsun, A. E. (2008). *The decline of the death penalty and the discovery of innocence*. Cambridge: Cambridge univ. press.

- Baumgartner, F. R., Green-Pedersen, C., Jones B.D., Mortensen, P., Neytenmans, M., Walgrave, S. (2009). Punctuated equilibrium in comparative perspective. *American journal of political science*, 53 (3), 602–619.
- Baumgartner, F. R., Jones, B. D. (Eds.). (2002). *Policy dynamics*. Chicago, IL: Chicago univ. press, 2002.
- Breunig, C. (2011). Reduction, Stasis, and Expansion of Budgets in Advanced Democracies. *Comparative political studies*, 44 (8), 1060–1088.
- Brikland, T. (1998). Focusing Events, Mobilization, and Agenda Setting. *Journal of public policy*, 18 (1), 53–74.
- Collier, P. (2007). *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done about It*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press.
- Crozier, M., Thoenig, J. C. (1976). The Regulation of Complex Organized Systems. *Administrative Science Quarterly*, 2 (4), 547–570.
- Dowding, K., Hindmoor, A., Iles, R., John, P. (2010). Policy agendas in Australian politics: The governor-general's speeches, 1945–2008. *Australian journal of political science*, 45 (4), 533–557.
- Dupuy, F., Thoenig, J. C. (1985). *L'Administration en miettes*. P.: Le Seuil.
- Grindle, M. S. (2007) Good Enough Governance Revisited. *Development Policy Review*, 25 (5), 533–574.
- Ingram, H., Schneider A., Deleon, P. (2007). Social Construction and Policy Design, In P. A. Sabatier (Ed.) *Theories of the Policy Process* (pp. 93–124). Westview Press.
- Ingram, H., Schneider, A. (2015). Making Distinctions: The Social Construction of Target Populations. In F. Fisher, D. Torgerson, A. Durnova, M. Orsini (Eds.) *Handbook of Critical Policy Studies* (259–273). Edward Elgar Publishing.
- Musgrave, R. A. (1959). *Theory of Public Finance*. N.Y.: McGraw Hill.
- Schneider, A., Ingram, H. (1993). The Social Construction of Target Populations. *American Political Science Review*, 87 (2), 334–346.
- Silke, A., Kreisi, H. (2007). The Network Approach. In P. A. Sabatier (Ed.) *Theories of the Policy Process* (pp.129–154). University of California, Davis: Westview Press.

Статья поступила в редакцию 9.10.2018

Статья принята к публикации 6.11.2018

Для цитирования: Соловьев А.И. Государство и общество: новые грани исторического конфликта. — Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 6-24.

STATE AND SOCIETY: NEW FACETS OF HISTORICAL CONFLICT

A. I. Solovjov

Alexandr I. Solovjov, Lomonosov Moscow State University, Leninskije Gory, 1,
Moscow, 119991
E-mail: solovyev@spa.msu.ru. ORCID 0000-0001-7146-0299

Abstract. The author analyzes present-day characteristics of cooperation of national state and civil society institutions, now that public politics went into social networks. This type of communication, caused by the new role of politico-administrative coalitions of the ruling elite, requires the revision of traditional approaches in many respects. In this connection, the author draws the readers' attention to new forms of dialogue between the people and the governance caused by informal communication among the elite in the ruling minority; these informal communications affect the nature of decision-making on the state level. While analyzing these processes on the basis of institutional and networking methods, the author characterizes the basic mechanisms and the channels of goal-setting, the respective ways and proceedings of business communication of interactive individuals. On the basis of his research, the author singles out structural characteristics of cooperation between the state and the society indecision-making on the state level. It follows that there exist three relatively independent

levels: diversified network coalitions that can, under certain circumstances, influence centres of decision-making; hierarchic formalized state governance structures exposed to permanent pressure on the part of networking, and administrative structures where the configuration of decision-making process takes place as it is. It means that under existing conditions the predominant influence upon state structures is exercised by actors who operate through networking mechanisms of the ruling class organizations (clicks, clientele, etc.) which fact undermines the possibility to realize common interests. Changing the state of things obstructed both by the passive stand of the majority of citizens concerning well-established governance practices and the actions of the ruling minority who use their advantages to realize their own interests with the help of hybrid interests (disruption of political influence of the messengers of civil interests) The possibilities to overcome this obstruction in future depend on the transformation of the public form of state power organization and on the improvement of its application proceedings.

Keywords: state, civil society, politico-administrative networks, networking, conflict, state decision-making

DOI: 10.31429/26190567-19-4-6-24

References

- Alexejeva, T. (2017). *Politicheskije nauki na fone menyajushchikhsja kartin mira* [Political Sciences Against the Background of Alternating Pictures of the World]. In: A. Solovjov (Ed.) *Politicheskaja refleksija, teorija i metodologija nauchnykh issledovanij* [Political Reflection, Theory and Methodology of Research] (pp. 48–64). Moscow: ROSSPEN.
- Barsukova, S. (2015). *Esse o neformal'noj ekonomike ili 16 ottenkov serogo* [Essay on Informal Economics or 16 Shades of Grey]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE.
- Bourdieu, P. (2017). *O gosudarstve* [On the State]. Moscow: Izdatel'skij dom Delo.
- Il'in, M., Kudrjashova, I. (Eds.) (2008). *Suverenitet: transformatsija ponjatij i praktik* [Sovereignty: Transformation of Concepts and Practices]. Moscow: MGIMO-Universitet.
- Castells, M. (2016). *Vlast' kommunikatsii* [Power of Communication]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE.
- Kurochkin, A. (2011). *Politika v uslovijakh setevogo obshchestva: novaja struktura i sodержaniye* [Politics under Networking Society: New Structure and Content]. *Istoricheskije, filisofskie, politicheskije i yuridicheskije nauki, kul'turologija i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, Juridical Sciences, Culturology and Art Criticism. Problems of Theory and Practice], 3, 113–119.
- Malinova, O. Yu. (2015). *Konstruirovaniye smyslov. Issledovaniye simvolicheskoi politiki v sovremennoj Rossii* [Construction of Senses. Researching Symbolic Politics in Modern Russia]. Moscow: INION.
- Malinova, O. Yu. (2012). *Simvolicheskaja politika. Kontury problemnogo polja* [Symbolic Politics. Contours of the Problem Field]. In: O. Yu. Malinova (Ed.) *Simvolicheskaja politika. Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs* [Symbolic Politics. Constructing Concepts of the Past as an Authoritative Resource], 1. (pp. 5–16). Moscow: INION.
- Mel'vil', A. (2013). *Zachem "tsarju gory" khoroshije instituty?* [Why Does "The King of the Hill" Need Good Universities?]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3, 166–167.
- Nisnevich, Yu. (2012). *Gosudarstvo XXIII veka: tendentsii i problemy razvitiya* [State in the XXIIIrd Century: Tendencies and the Problems of Development]. Moscow: KnoRus.
- North, D. (1997). *Instituty, institutsional'nyye izmeneniya b funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutes, Institutional Changes in the Functioning of Economics]. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala".
- Panov, P. (2006). *Institutsionalizm ratsional'nogo vybora: potentsial b predely vozmozhnostej* [Institutionalism of the Rational choice: Potential and Limited Resources]. In: S. Patrushev (Ed.) *Institutsional'naja politologija* [Institutional Typology] (pp. 43–92). Moscow: ISP RAS.
- Toffler, A. (2004). *Tretja volna* [The Third Wave]. Moscow: ACT.

- Khaioz, N. (2013). Upravljenje, korupsija i lokal'nyje struktury politicheskogo vlijanija v Shveitsarii [Governance, Corruption and Local Structures of Political Influence in Switzerland]. In: Gaman-Golutvina O. (Ed.). *Elity i obshchestvo v sravnitel'nom izmerenii* [Elites and Society in Comparative Survey] (pp. 200–208). Moscow: ROSSPEN.
- Baumgartner, F. R., Boef, S. L., Boydsun, A. E. (2008). *The Decline of the Death Penalty and the Discovery of Innocence*. Cambridge: Cambridge univ. press.
- Baumgartner, F. R., Green-Pedersen, C., Jones B.D., Mortensen, P., Neytenmans, M., Walgrave, S. (2009). Punctuated Equilibrium in Comparative Perspective. *American journal of political science*, 53 (3), 602–619.
- Baumgartner, F. R., Jones, B. D. (Eds.) (2002). *Policy dynamics*. Chicago, IL: Chicago univ. press.
- Breunig, C. (2011). Reduction, Stasis, and Expansion of Budgets in Advanced Democracies. *Comparative political studies*, 44 (8), 1060–1088.
- Brikland, T. (1998). Focusing Events, Mobilization, and Agenda Setting. *Journal of public policy*, 18 (1), 53–74.
- Collier, P. (2007). *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done about It*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press.
- Crozier, M., Thoenig, J. C. (1976). The Regulation of Complex Organized Systems. *Administrative Science Quarterly*, 2 (4), 547–570.
- Dowding, K., Hindmoor, A., Iles, R., John, P. (2010). Policy Agendas in Australian politics: The Governor-General's speeches, 1945–2008. *Australian Journal of Political Science*, 45 (4), 533–557.
- Dupuy, F., Thoenig, J. C. (1985). *L'Administration en miettes*. P.: Le Seuil.
- Grindle, M. S. (2007). Good Enough Governance Revisited. *Development Policy Review*, 25 (5), 533–574.
- Ingram, H., Schneider A., Deleon, P. (2007). Social Construction and Policy Design, In P. A. Sabatier (Ed.) *Theories of the Policy Process* (pp. 93–124). Westview Press.
- Ingram, H., Schneider, A. (2015). Making Distinctions: The Social Construction of Target Populations. In F. Fisher, D. Torgerson, A. Durnova, M. Orsini (Eds.) *Handbook of Critical Policy Studies* (259–273). Edward Elgar Publishing.
- Musgrace, R. A. (1959). *Theory of Public Finance*. N.Y.: McGraw Hill.
- Schneider, A., Ingram, H. (1993). The Social Construction of Target Populations. *American Political Science Review*, 87 (2), 334–346.
- Silke, A., Kreisi, H. (2007). The Network Approach. In P. A. Sabatier (Ed.) *Theories of the Policy Process* (pp.129–154). University of California, Davis: Westview Press.

Received 9.10.2018

Accepted 6.11.2018

For citation: Solovjov A.I. State and Society: New Facets of Historical Conflict. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 6-24.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).